

Залог из ареста и приоритет в банкротстве

Научный руководитель – Ягельницкий Александр Александрович

Зайцева Юлия Михайловна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: juliazaitheva@gmail.com

В контексте обсуждений о признании залога имущества в пользу ФНС законным залогом (п. 2.1. ст. 73 НК РФ), необходимо последовательно разобрать ряд вопросов, которые помогут проследить логику такого решения. Сперва обратимся к институту арестного залога, возникающего из судебного акта. Затем рассмотрим вопрос о приоритете кредитора в лице налогового органа в банкротстве.

Появление в 2014 г. института залоговых прав из ареста (далее – судебный залог или принудительный залог) (п.5 ст. 334 ГК РФ) в силу своей новизны для российского правопорядка и первоначально недостаточного уровня научного обсуждения породило ожидаемую неустойчивость судебной практики. Более того, даже последующее в 2017 г. утверждение об отсутствии приоритета арестного залога на уровне ВС РФ [n9] не поставило точки в этом проблемном вопросе, а напротив, вызвало новую волну дискуссии.

Римское право признавало возникновение залога в силу приговора судебной власти. В одном случае кредитор, получавший право на ввод во временное владение имущество должника, таким образом обеспечивал свое требование к нему (*pignus praetorium*) [n3]. Преимущество перед прочими кредиторами, имевшими залог в силу договора или *pignus praetorium* по другому титулу давал лишь *missio rei servandae causa*. Второй случай судебного залога (*pignus in causa judicatum*) возникал как средство исполнения судебного решения. *Pignus in causa judicatum* совершенно отличался от ординарного залога (*pignus*) и ипотеки (*hypothecae*), поскольку в этом случае суд «заботился о благе кредитора» (Дыдынский, 1872, с. 136) [n3] и только он имел право продать заложенные вещи.

В дореволюционном русском праве, по свидетельству Л.А. Кассо (Кассо, 1999, с. 256), отношение к принудительному или судебному залогом не было устоявшимся. Нормы Устава Гражданского судопроизводства (ст. 616), хотя и допускали судебный залог, тем не менее, не давали преимущественного удовлетворения в пользу кредитора. Впоследствии появившиеся узаконения, в частности Устав Государственного банка, уравнивал преимущество в удовлетворении, свойственное договорному залогом, с преимуществом тех долгов, которые обеспечены «запрещением, наложенным на имущество прежде запрещения для пользования кредитом в Государственном банке» (Кассо, 1999, с. 257) [n4]. Несмотря на обширную критику, положения о принудительном залогом были внесены в проект третьей книги Гражданского уложения и Вотчинный устав [n6].

Немецкое регулирование арестного залога содержится в §804 Zivillprozessordnung (далее - ZPO), §930 ZPO, §459 Strafprozessordnung (далее - StPO). Арест вещей и прав требований, установленный §804 ZPO, применяется в качестве меры принудительного исполнения судебного решения. Более широким образом основания возникновения арестного залога описываются в литературе [n7], где говорится, что арестный залог возникает: (1) вследствие описи (Pfändung), основанной на титуле (§804 ZPO), (2) вследствие наложения штрафа в силу §459 StPO [n8]. Арест в Германии представляется как обеспечительная мера, которая в определенном смысле гарантирует принудительное исполнение денежного требования за счет имущества должника [n2]. При этом, важно подчеркнуть, что залог не возникает до

исполнения ареста, т.е. до описи. Немецкое право знает ограничения, исключаящие получение преимущества кредитора, в пользу которого устанавливается залог из судебного акта. Так, в силу §133 Insolvenzordnung допускается оспаривание получения обеспечения за три месяца до подачи заявления о банкротстве, если это произошло в рамках применения мер принудительного исполнения. В таком случае залог, возникший в силу ареста в исполнительном производстве, является несогласованным (*inkongruent*), и по этой причине попадает под конкурсное оспаривание. Выходит, что оспаривание обеспечений, полученных за три месяца до начала процедуры банкротства, является проявлением принципа равного отношения к кредиторам, инициировавшим арест ранее трехмесячного срока и, тем самым, вытесняет принцип приоритетного удовлетворения.

П. 2.1. ст. 73 НК РФ определяет обеспечительную мера в виде ареста имущества налогоплательщика (должника) как залог, возникающий на основании закона. Последствием этой нормы является получение приоритетного удовлетворения налогового органа как кредитора в процессе банкротства. Подобное решение вызывает ряд возражений. Во-первых, активность прочих кредиторов, вызванная скорейшим наложением ареста, не позволит им «соперничать» с налоговым органом, поскольку «вероятность удовлетворения ходатайства о применении обеспечительных мер является крайне низкой, в сравнении с требованием об уплате обязательных платежей, которое, как правило, безотказно обеспечивается» (Сайфуллин, 2020) [п5]. Во-вторых, отмечается [п1], что кредиторы, добившиеся ареста имущества должника перед судом, оказываются в худшем положении по отношению к налоговому органу, который получает приоритет в удовлетворении вследствие самостоятельного наложения ареста, что является посягательством на принцип *par condicio creditorum*. В-третьих, залог из акта налогового органа, определяемый законодателем как законный залог, строго говоря, не вписывается в классическую правовую классификацию оснований возникновения залога, где с одной стороны, существует добровольный залог из договора и завещания, а с другой, принудительный залог из предписаний закона и акта государственного органа (как правило, суда).

Источники и литература

- 1) Бевзенко Р.С. Залог из ареста // Цивилистика. Март-апрель 2020. №2.
- 2) Егоров А.В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. N 9.
- 3) Дыдынский Ф.М. Залог по римскому праву. Варшава: Тип. С. Ольгебранда, 1872.
- 4) Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999.
- 5) Сайфуллин Р.И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 10.
- 6) Фрейтаг-Лоринговен А.Л. Материальное право проекта Вотчинного Устава. Т. 1. Юрьев, 1914.
- 7) Dr. A. Ahrendt. Hamburg Commentary on the Insolvency Code. Münster, 2009.
- 8) Graf-Schickler, M.Luise. Kommentar zur Insolvenzordnung. Köln, 2007.
- 9) Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2017).